

По поводу этого свидания с испанским посланником Королева говорила сперва немало глупостей: ее брат де отомстит за все и т. д., — и всегда поддерживала с ним тайные сношения. Она не могла скрыть досаду, что пользуется всеми благами, предоставленными ей Францией, тогда как это ущемляло интересы ее родного дома.

Много злословили по поводу отношений кардинала де Ришелье, который был красивым мужчиною, с Королевой-матерью. В пору этой любовной интриги ей вдумалось, хоть она и была уже в годах, вернуться к игре на лютне; когда-то она немного играла на ней. Она берет к себе Готье, и вот все начинают играть на лютне. Ришелье тоже стал обучаться, и не было более забавного зрелища, чем вид Кардинала, берущего уроки у Готье.

Во время своей связи с Ришелье Королева-мать прониклась такой ревностью к королеве Анне, что в открытую порвала с Кардиналом и выгнала г-жу д'Эгийон, а также г-на де Ламейрс, бывшего капитаном ее Гвардии. Королева-мать жаждала власти, и все восставшие, которые она дала Королю, было рассчитано на то, чтобы сделать его неспособным править самостоятельно (она ни разу не поцеловала сына за все время регентства); она боялась, как бы молодая Королева не имела на него духовного влияния, и дабы помешать Государыне добиться привязанности своего мужа, приставила к ней г-жу де Шеврез и г-жу де Лавалетт, двух самых сумасбродных женщин, какие только были при Дворе. Она приказала также принцессе де Конти следить за всем, что делается у молодой Королевы; а этой принцессе, несмотря на преклонный возраст, все еще помышлявшей о любви, только и надо было, чтобы все вокруг заимались любовными интригами. Она-то и обучила кокетству молодую Королеву.

Той порою случилось довольно забавное происшествие. В тот самый день, когда Кардинал отправился в Люксембургский дворец,¹⁵ где между Королевой и им произошел разрыв, Генеральный прокурор Моле, которого он намеревался сделать Главным председателем судебной палаты, не застав г-на Кардинала дома, отправился в Люксембургский дворец, надеясь найти его там. На беду Кардинал, спускаясь по большой лестнице, увидел, как Моле поднимается по малой. Он подумал, что этот молодой человек только что предлагал свои услуги Королеве-матери, и разубедился в этом лишь долгое время спустя, когда сделал его Главным председателем палаты. Он ошибся в своем суждении относительно Моле и Мельяна. Этот Мельян, Председатель следственной палаты, пользовался более лестной репутацией, чем он того заслуживал. Кардинал сделал его Генеральным прокурором, а он оказался человеком совершенно неспособным, и наоборот — Генеральный прокурор Моле, которого он сделал Главным председателем судебной палаты, потому что тот якобы не подходил для более высокой судебной должности, показал себя более смысленным, чем то предполагали.